

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мудрый философ-скептик Лев Шестов в книге «Власть ключей», изданной в 1923 г. в Берлине, но написанной в основном в предреволюционные годы, рассуждал о жажде истины, которая мучает людей, отпавших от Бога. В своих поисках они почти никогда не добиваются результатов. Можно, правда, позаимствовать уже «готовую» истину в каком-нибудь из великих учений. Но сами создатели этих учений едва ли когда-нибудь были удовлетворены найденными ими ответами. Во всяком случае, так считает Шестов. Он уверен, что какова бы ни была сила гения, он может осветить путь лишь другим, себе же самому — никогда. И потому великие учителя человечества, такие как Достоевский, Толстой или Ницше, только играют роль нашедших истину — играют сознательно или бессознательно.

Впрочем, огромное большинство людей вообще не имеет обыкновения задумываться о таких вещах, как истина. «Их совесть спокойна, они ничем не терзаются и не мечтают о несбыточном»¹. По отношению к этим людям, замечает Шестов, Дарвин, несомненно, прав: они произошли от обезьяны, которая всегда знает, как удовлетворить свои потребности. Но и в Библии написана правда: есть люди, произошедшие от созданного Богом Адама, они наследуют первородный грех, мучаются им и тоскуют по утраченному раю.

Как ни странно, прежде чем попасть в философское сочинение, эта ироническая и в то же время серьезная теория о происхождении от Бога всего лишь части рода человеческого была развита в сочинении юмористическом. Автором его была Надежда Александровна Лохвицкая (1871–1952), писавшая под псевдонимом Тэффи.

Тэффи была дочерью известного адвоката и не менее известного остроуслова А. Н. Лохвицкого. Ее первый сборник «Юмористические рассказы» (СПб., 1910) получил огромную популярность и многократно переиздавался. За ним следовали все новые и новые книги. Юный Зощенко надолго запомнил ее читательский успех. В советские годы он набросал статью о Тэффи, оставшуюся лежать в его архиве: «Ее счи-

¹ Шестов Л. Сочинения: В 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 64.

тают самой занимательной и „смешной“ писательницей. И в длинную дорогу непременно берут томик ее рассказов. Вы увидите во всех при вокзальных киосках „Дым без огня“, „Неживой зверь“, „Карусель“ — это ее книги приготовлены в дорогу. Должно быть, и в самом деле весело и беспечально от юмористических (коротеньких) ее рассказов»¹. Зощенко был братом Тэффи по жанру, но ее смех ценили и самые серьезные люди. В 1914 г. пушкинист Н. О. Лернер писал: «Среди писателей-юмористов, которых у нас теперь немало, Тэффи занимает первое место»².

На обложке второго сборника Тэффи стояло заглавие «Человекообразные», такое же заглавие было дано открывавшему сборник весьма необычному вступлению — юмористическому философскому эссе. Тэффи писала, что в отличие от людей, в которых Бог вдохнул живую горящую душу, человекообразные жадно любят все творческое, но сами творить не умеют, они трудятся и приспособляются там, где человек принимает и выбирает, они ненавидят смех «как печать Бога на лице души человеческой». Не умея того, что дано человеку, человекообразные научились прекрасно имитировать и смех, и творчество, и любовь. Они преуспели и размножились, они готовы покончить навсегда с человеком и уже помышляют о хвостах и лапах.

Всю дальнейшую эволюцию Тэффи можно описать как постоянно возрастающий интерес к человекообразным. Так резко противопоставленные людям, они постепенно начинают вызывать у писательницы сочувствие, а порою и нежность.

Характерен в этом отношении рассказ «Катенька». Тэффи рисует трех женщин: мать — «бедную, но не благородную вдову», дочь-гимназистку и кухарку, которая «зазналась уже давно, лет десять тому назад, и во всей природе до сих пор не нашлось существа, которое сумело бы поставить ее на место». Мелькнувшая здесь пушкинская строка («И ничего во всей природе Благословить он не хотел...») — та самая искра человеческого творчества, поглощенная миром человекообразных и почти погасшая в нем. Пятнадцатилетняя Катенька мечтает о будущем браке, главной ценностью которого станет адюльтер, скроенный по модели то ли «Онегина», то ли «Дубровского», то ли «Анны Карениной». То, что было сюжетом высокой классики, превращается в мечтах Катеньки в образец пошлости и банальности. И все-таки это мечты — хрупкие, беззащитные под напором еще более пошлого в своей грубости реального мира. Тэффи заставляет читателя посочувствовать им,

¹ Зощенко М. М. Н. Тэффи // Ежегодник Рукописного отдела ИРЛИ (Пушкинского Дома). Л., 1972. С. 140.

² Ежемесячное литературное приложение к журналу «Нива». 1914. № 7. С. 459.

не позволяя при этом ни принять их всерьез, ни оправдать. Сострадание к убогому человекообразному — гоголевская нота, пробивающаяся сквозь смех Тэффи. А между тем и самому Гоголю не так уж часто удавалось взять эту ноту, со всей пронзительностью прозвучавшую лишь в «Старосветских помещиках», в «Записках сумасшедшего» да в «Шинели».

И в смехе, и в сострадании Тэффи бесконечно далека от того, чтобы играть роль «нашедшей истину», но своя правда у нее есть. Ей подвластна стихия юмора, иногда — чистого юмора, редкого гостя в русской классической литературе. Впрочем, и у Тэффи чистой юмористики не так много — хотя бы потому, что она умела видеть явление с нескольких, иногда взаимоисключающих точек зрения. Не будем выдавать это за философский взгляд на мир, но отметим светящуюся в ее писательской манере житейскую мудрость. Кроме того, Тэффи всегда была человеком глубоко религиозным (вероятно, это было унаследовано ею от прадеда, Кондратия Лохвицкого, писавшего религиозные стихи). Ей было ведомо то стремление к несбыточному, о котором говорил Шестов. Она ощущала присутствие в мире мистического веяния, свидетельствующего о некоей истине, которая не поддается формулировкам, но может быть указана.

Свет этой истины чувствует герой рассказа «Поручик Каспар» — маленького шедевра Тэффи, написанного уже в эмиграции. Трудно выдумать более невзрачного, неумного, непривлекательного героя. Даже о собственной любви — глубокой и жертвенной — он едва сумел догадаться. Но и у него была минута высокого торжества. Любовный треугольник в этом рассказе прост, как штамп: незадачливый влюбленный Сысоев — дьяконица Агния — удачливый соперник-пошляк. Но события разворачиваются в кровавом месиве Гражданской войны. В безвестной слободке, затерявшейся между Киевом и Астраханью, где власть переходит то к белым, то к красным, то к атаманам, возникает легенда о поручике Каспаре — «благородном разбойнике» (снова отсвет «Дубровского»), правящем уже вторую неделю. Агнии кажется, что незнакомец, проводивший ее до дому «из желания защитить в случае чего», и есть сам поручик Каспар. Герой поддерживает ее иллюзию, и, рассуждая с ним о благородстве неведомого Каспара, Агния произносит слово «мы», объединяющее ее и Сысоева. Это — самая большая близость, на какую он мог рассчитывать, это и есть его заветная минута. За нее он и отдает жизнь, охраняя честь и память выдуманного Каспара. А перед смертью видит сон, непередаваемый на язык логики, навеянный тоской по не вобранным в душу сокровищам, подаренным человеку Богом.

Тэффи везло на критиков. О ней писали и восторженно говорили Куприн, Бунин, Марк Алданов, Борис Зайцев, Саша Черный. В Париже, как и в Петербурге, она — в центре русской культурной жизни, хотя ее оценка эмиграции была трезвой, трагической, а иногда и жесткой. «Живем как собаки на Сене» — этот горький каламбур Тэффи знали почти все русские в Париже.

Первой книгой Тэффи, вышедшей за границей, был сборник «Тихая заводь и другие рассказы» (Париж, 1921). Откликаясь на нее, Куприн писал: «Натуральность, но без натурализма. Правда — без реализма. Трогательность — без сентиментальности. Тепло — без пафоса. Светлая грусть — без мировой скорби»¹. Очень тонко анализировал прозу Тэффи философ, филолог и культуролог П. Бицилли, который считал, что ее творчество «обнажает духовные корни юмора. (...) Юмор предполагает раздвоение сознания, возврат к мировосприятию, из которого сознание выросло, но от которого оно все же не отсеклось, без того чтобы оно пожертвовало чем-либо из нажитого опыта. Юмор — свойство зрелого интеллекта... но интеллекта, сочетанного с потребностью и способностью, несмотря ни на что, полюбить и благословить. Наивная, слепая, нерассуждающая „нечеловеческая и самозабвенная“ любовь... — теза. Рассекающее, разлагающее, мертвящее знание — антитеза. Юмор — синтез. Способность к юмору то же, что способность к любви, любви без ослепления, без рабского нерассуждающего преклонения перед любимым, любви зрячей, судящей, осуждающей и прощающей»².

Бунин, очень любивший Тэффи и нимало не сомневавшийся в ее огромном таланте, говорил ей, что художественную ценность ее рассказов иногда снижает скорописание (а писала она иногда по два-три рассказа в неделю, едва успевая удовлетворять читательские ожидания). Пожалуй, Бунин был прав, и в наследии Тэффи действительно не все равноценно. Но есть у нее произведения, которые практически безупречны, юмористическое и трагическое сочетаются в них абсолютно естественно, потому что сюжеты их не выдуманы, а лишь обработаны мастерской рукой. Это, конечно, воспоминания Тэффи — ее воспоминания о великих современниках и включенные в эту книгу воспоминания о вынужденном путешествии по России от Москвы до Новороссийска.

Тэффи покинула Россию в 1919 г., а «Воспоминания» начала писать в Париже в 1928 г. Главный их герой — сама Тэффи, а главное содержание — российский быт 1918–1919 гг. При этом в книге огромное

¹ Общее дело. 1921. 25 июля.

² Бицилли П. Жизнь и литература // Творчество Н. А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века. М., 1999. С. 192–193.

количество эпизодических персонажей, и большинство из них — реальные исторические лица. Биографии их, естественно, отсутствуют, так как волею судьбы в жизнь Тэффи и на страницы книги они попадают как всего лишь «встречные люди». Но, рассказывая о каждом из них, Тэффи сообщает такие подробности и детали, благодаря которым эти люди теперь оживают для нас и врезаются в память.

Оказывается, например, что всего за несколько дней до того, как молодой поэт Леонид Канегиссер убил Урицкого, мстя за расстрел своего друга, он встретился с Тэффи и был «грустный и какой-то притихший». Причину его состояния Тэффи не выяснила, постеснялась.

Удивительно трогателен в изображении Тэффи знаменитый на всю Россию писатель и журналист Влас Дорошевич (1864–1922), в газете которого «Русское слово» она до революции много печаталась. Когда предполагалось, что Тэффи будет вести в его газете регулярный злободневный фельетон, он произнес крылатую фразу: «Нельзя на арабском скакуне воду возить». В 1918 г. Тэффи встретила его в Киеве, он «хворал, очень осунулся, постарел и, видимо, нестерпимо тосковал по своей жене, оставшейся в Петербурге, — хорошенькой легкомысленной актрисе. Он, кажется, так и не узнал, что его Леля давно вышла замуж за обшитого телячьей кожей „роскошного мужчину“ — большевистского комиссара».

О захватившем Киев С. В. Петлюре (1879–1926) Тэффи сообщает следующую любопытную деталь. До революции он был сотрудником газеты «Киевская мысль», а когда пришел к власти, то первым же распоряжением газету закрыл.

Вряд ли сейчас кто-нибудь сможет во всех подробностях восстановить биографию «молодого, сероглазого», любившего литературу и театр белого губернатора Одессы Гришина-Алмазова. Когда известный поэт Максимилиан Волошин (читавший свои звучные стихи то белым, то красным начальникам, чтобы, закончив декламацию, обратиться к ним с просьбой об освобождении кого-нибудь из арестованных) попросил Тэффи походатайствовать перед Гришиным-Алмазовым за Е. Ю. Кузьмину-Караваеву, тот откликнулся немедленно, и поэтесса была выпущена из-под ареста. Финал его жизни был героическим: «И вот неожиданно исчез Гришин-Алмазов. Уехал инкогнито, никому ничего не сказав. Спешил проскочить к Колчаку. Скоро стала известна его трагическая судьба. В Каспийском море он был достигнут большевиками. Увидев приближающийся корабль с красным флагом, сероглазый губернатор Одессы выбросил в море чемоданы с документами и, перегнувшись через борт, пустил себе пулю в лоб».

Совсем иначе кончил жизнь один из самых популярных актеров России Мамонт Дальский, после революции почему-то ставший анар-

хистом. «Слишком долго и хорошо знали живописную душу Мамонта, чтобы поверить в искренность его политических убеждений. Болтовня, поза, грим трагического злодея, костюм напрокат. Интересно и безответственно. Всю жизнь играл Мамонт на сцене Кина, в жизни — в Кина, в гения и в беспутство. А умер — как подшутила судьба! — от благородного жеста. Стоя на подножке трамвая, посторонился, чтобы уступить место даме. Сорвался и попал под колеса».

Так из калейдоскопа судеб и лиц возникает в «Воспоминаниях» Тэффи картина «взвихренной Руси». Втянутые в гигантскую воронку событий, не зависящих от их воли, люди, утратившие смысл и цель бытия, сорвались со своих мест и, как сама Тэффи, перемещаются по огромным просторам послереволюционной России. Из множества мелочей сложилась у Тэффи большая, почти эпическая картина. Книга получилась очень смешной, очень страшной и очень правдивой...¹

Борис Аверин

---

¹ Текст статьи Б. Аверина печатается по изданию: *Тэффи. Тонкие письма: рассказы, воспоминания*. СПб., 2013.

РАССКАЗЫ

ВЫСЛУЖИЛСЯ

У Лешки давно затекла правая нога, но он не смел переменить позу и жадно прислушивался. В коридорчике было совсем темно, и через узкую щель приотворенной двери виднелся только ярко освещенный кусок стены над кухонной плитой. На стене колебался большой темный круг, увенчанный двумя рогами. Лешка догадался, что круг этот не что иное, как тень от головы его тетки с торчащими вверх концами платка.

Тетка пришла навестить Лешку, которого только неделю тому назад определила в «мальчики для комнатных услуг», и вела теперь серьезные переговоры с протезировавшей ей кухаркой. Переговоры носили характер неприятно-тревожный, тетка сильно волновалась, и рога на стене круто поднимались и опускались, словно какой-то невиданный зверь бодал своих невидимых противников.

Разговор велся полным голосом, но на патетических местах падал до шепота, громкого и свистящего.

Предполагалось, что Лешка моет в передней калоши. Но, как известно, человек предполагает, а Бог располагает, и Лешка с тряпкой в руках подслушивал за дверью.

— Я с самого начала поняла, что он растяпа, — пела сдобным голосом кухарка. — Сколько раз говорю ему: коли ты, парень, не дурак, держись на глазах. Хушь дела не делай, а на глазах держись. Потому — Дуняшка оттирает. А он и ухом не ведет. Давеча опять барыня кричала — в печке не помешал и с головешками закрыл.

Рога на стене волнуются, и тетка стонет, как эолова арфа:

— Куда же я с ним денусь? Мавра Семеновна! Сапоги ему купила, не пито, не едено, пять рублей отдала. За куртку за переделку портной, не пито, не едено, шесть гривен содрал...

— Не иначе как домой отослать.

— Милая! Дорога-то, не пито, не едено, четыре рубля, милая!

Лешка, забыв всякие предосторожности, вздыхает за дверью. Ему домой не хочется. Отец обещал, что спустит с него семь шкур, а Лешка знает по опыту, как это неприятно.

— Так ведь выть-то еще рано, — снова поет кухарка. — Пока что никто его не гонит. Барыня только пригрозила... А жилец, Петр Дмитрич-то, очень заступается. Прямо горой за Лешку. Полно вам, говорит, Марья Васильевна, он, говорит, не дурак, Лешка-то. Он, говорит, форменный адепт, его и ругать нечего. Прямо-таки горой за Лешку.

— Ну, дай ему Бог...

— А уж у нас что жилец скажет, то и свято. Потому что человек он начитанный, платит аккуратно...

— А и Дуняшка хороша! — закрутила тетка рогами. — Не пойму я такого народа — на мальчишку ябеду пущать...

— Истинно! Истинно. Давеча говорю ей: «Иди двери отвори, Дуняша», — ласково, как по-доброму. Так она мне как фыркнет в морду: «Я, грит, вам не швейцар, отворяйте сами!» А я ей тут все и выпела. Как двери отворять, так ты, говорю, не швейцар, а как с дворником на лестнице целоваться, так это ты все швейцар...

— Господи помилуй! С этих лет до всего дошпионивши. Девка молодая, жить бы да жить. Одного жалования, не пито, не...

— Мне что? Я ей прямо сказала: как двери открывать, так это ты не швейцар. Она, вишь, не швейцар! А как от дворника подарки принимать, так это она швейцар. Да жильцову помаду...

Трррр... — затрещал электрический звонок.

— Лешка-а! Лешка-а! — закричала кухарка. — Ах ты, провались ты! Дуняшу услали, а он и ухом не ведет.

Лешка, затаив дыхание, прижался к стене и тихо стоял, пока, сердито гремя крахмальными юбками, не проплыла мимо него разгневанная кухарка.

«Нет, дудки, — думал Лешка, — в деревню не поеду. Я парень не дурак, я захочу, так живо выслужусь. Меня не затрешь, не таковский».

И, выждав возвращения кухарки, он решительными шагами направился в комнаты.

«Будь, грит, на глазах. А на каких я глазах буду, когда никого никогда дома нет».

Он прошел в переднюю. Эге! Пальто висит — жилец дома.

Он кинулся на кухню и, вырвав у оторопевшей кухарки кочергу, помчался снова в комнаты, быстро распахнул дверь в помещенье жильца и пошел мешать в печке.

Жилец сидел не один. С ним была молоденькая дама, в жакете и под вуалью. Оба вздрогнули и выпрямились, когда вошел Лешка.

«Я парень не дурак, — думал Лешка, тыча кочергой в горящие дрова. — Я те глаза намозолю. Я те не дармоед — я все при деле, все при деле!..»

Дрова трещали, кочерга гремела, искры летели во все стороны. Жилец и дама напряженно молчали. Наконец Лешка направился к выходу, но у самой двери остановился и стал озабоченно рассматривать влажное пятно на полу, затем перевел глаза на гостыни ноги и, увидев на них калоши, укоризненно покачал головой.

— Вот, — сказал он с упреком, — наследили! А потом хозяйка меня ругать будет.

Гостья вспыхнула и растерянно посмотрела на жильца.

— Ладно, ладно, иди уж, — смущенно успокаивал тот.

И Лешка ушел, но ненадолго. Он отыскал тряпку и вернулся вытирать пол.

Жильца с гостьей он застал молчаливо склоненными над столом и погруженными в созерцание скатерти.

«Ишь, уставились, — подумал Лешка, — должно быть, пятно заметили. Думают, я не понимаю! Нашли дурака! Я все понимаю. Я как лошадь работаю!»

И, подойдя к задумчивой парочке, он старательно вытер скатерть под самым носом у жильца.

— Ты чего? — испугался тот.

— Как чего? Мне без своего глазу никак нельзя. Дуняшка, косой черт, только ябеду знает, а за порядком глядеть она не швейцар... Дворника на лестнице...

— Пошел вон! Идиот!

Но молоденькая дама испуганно схватила жильца за руку и заговорила что-то шепотом.

— Поймет... — расслышал Лешка, — прислуга... сплетни...

У дамы выступили слезы смущения на глазах, и она дрожащим голосом сказала Лешке:

— Ничего, ничего, мальчик... Вы можете не затворять двери, когда пойдете...

Жилец презрительно усмехнулся и пожал плечами.

Лешка ушел, но, дойдя до передней, вспомнил, что дама просила не запирасть двери, и, вернувшись, открыл ее.

Жилец, как пуля, отскочил от своей дамы.

«Чудак, — думал Лешка, уходя. — В комнате светло, а он пугается!»

Лешка прошел в переднюю, посмотрел в зеркало, померил жильцову шапку. Потом прошел в темную столовую и поскреб ногтями дверцу буфета.

— Ишь, черт несоленый! Ты тут целый день как лошадь работай, а она знай только шкап запирает.

Решил идти снова помешать в печке. Дверь в комнату жильца оказалась опять закрытой. Лешка удивился, однако вошел.

Жилец сидел спокойно рядом с дамой, но галстук у него был на боку, и посмотрел он на Лешку таким взглядом, что тот только языком прищелкнул:

«Что смотришь-то! Сам знаю, что не дармоед, сложа руки не сижу».

Уголья размешаны, и Лешка уходит, пригрозив, что скоро вернется закрывать печку. Тихий полустон-полувздых был ему ответом.

Лешка вошел и затосковал: никакой работы больше не придумаешь. Заглянул в барынину спальню. Там было тихо-тихо. Лампадка теплилась под образом. Пахло духами. Лешка влез на стул, долго рассматривал граненую розовую лампадку, истово перекрестился, затем окунул в нее палец и помаслил надо лбом волосы. Потом подошел к туалетному столику и перенюхал по очереди все флаконы.

— Э, да что тут! Сколько ни работай, коли не на глазах, ни во что не считают. Хоть лоб прошиби.

Он грустно побрел в переднюю. В полутемной гостиной что-то пискнуло под его ногами, затем колыхнулась снизу портьера, за ней другая...

«Кошка! — сообразил он. — Ишь-ишь, опять к жильцу в комнату, опять барыня взбесится, как намедни. Шалишь!..»

Радостный и оживленный, вбежал он в заветную комнату.

— Я те, проклятая! Я те покажу шляться! Я те морду-то на хвост выверну!..

На жильце лица не было.

— Ты с ума сошел, идиот несчастный! — закричал он. — Кого ты ругаешь?

— Ей, подлой, только дай поблажку, так после и не выживешь, — старался Лешка. — Ее в комнаты пускать нельзя! От ей только скандал!..

Дама дрожащими руками поправляла съехавшую на затылок шляпку.

— Он какой-то сумасшедший, этот мальчик, — испуганно и смущенно шептала она.

— Брысь, проклятая! — И Лешка наконец, к всеобщему успокоению, выволок кошку из-под дивана.

— Господи, — взмолился жилец, — да уйдешь ли ты отсюда наконец?

— Ишь, проклятая, царапается! Ее нельзя в комнатах держать. Она вчера в гостиной под портьерой...

И Лешка длинно и подробно, не утаивая ни одной мелочи, не жалея огня и красок, описал пораженным слушателям все непорядочное поведение ужасной кошки.

Рассказ его был выслушан молча. Дама нагнулась и все время искала что-то под столом, а жилец, как-то странно надавливая Лешкино плечо, вытеснил рассказчика из комнаты и притворил дверь.

— Я парень смысленый, — шептал Лешка, выпуская кошку на черную лестницу. — Смысленый и работяга. Пойду теперь печку закрывать.

На этот раз жилец не услышал Лешкиных шагов: он стоял перед дамой на коленях и, низко-низко склонив голову к ее ножкам, замер, не двигаясь. А дама закрыла глаза и все лицо съездила, будто на солнце смотрит...

«Что он там делает? — удивился Лешка. — Словно пуговицу на ейном башмаке жует! Не... видно, обронил что-нибудь. Пойду поищу...»

Он подошел и так быстро нагнулся, что внезапно воспрянувший жилец пребольно стукнул ему лбом прямо в бровь.

Дама вскочила вся растерянная. Лешка полез под стул, обшарил под столом и встал, разводя руками:

— Ничего там нету.

— Что ты ищешь? Чего тебе, наконец, от нас нужно? — крикнул жилец неестественно тоненьким голосом и весь покраснел.

— Я думал, обронили что-нибудь... Опять еще пропадет, как брошка у той барыни, у черненькой, что к вам чай пить ходит... Третьего дня, как уходила, я, грит, Леша, брошку потеряла, — обратился он прямо к даме, которая вдруг стала слушать его очень внимательно, даже рот открыла, а глаза у нее стали совсем круглые. — Ну, я пошел да за ширмой на столике и нашел. А вчера опять брошку забыла, да не я убирал, а Дуняшка, — вот и брошке, стало быть, конец...

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Борис Аверин. Предисловие</i>	5
--	---

РАССКАЗЫ

Выслужился	13
Проворство рук	19
Покаянное	23
Модный адвокат	27
За стеной	31
Курорт	39
Взамен политики	42
Веселая вечеринка	46
Игра	53
Семейный аккорд	56
Даровой конь	59
Переоценка ценностей	62
Политика воспитывает	66
Семья разговляется	69
Нянькина сказка про кобылью голову	73
Политика и наука	77
Утешитель	81
Корсиканец	84
Дача	87
Страшный прыжок	91
Из весеннего дневника	97
К теории флирта	101
Изящная светопись	104
Человекообразные	108
Экзамен	113
Светлый праздник	118
Святой стыд	122
Факир	127
Тонкая психология	132
Кулич	137

СОДЕРЖАНИЕ

Брошечка	141
Дачный разъезд	146
Ревность	150
Арабские сказки	155
Письма издалика	159
Маски	163
Разговоры	166
Французский роман	170
Неделикатности	174
Когда рак свистнул. <i>Рождественский ужас</i>	177
Репетитор	182
Публика	187
Бабушка книга	192
Катенька	195
Страх	199
Талант	204
Сила воли	208
Неудачник	210
Трагедия счастья. <i>Осенний рассказ</i>	214
Фабрика красоты	218
Знакомые	222
Дураки	226
1-е апреля	230
Визитерка	233
Долг и честь	236
Письма	240
Счастливая любовь	244
В вагоне	248
Книга	251
В кафе	255
Торговая Русь	259
Тонкая штучка	262
Демоническая женщина	266
Сладкая отравка	269
Вдова	273
Американский рассказ	276
Жизнь и темы	279
Страшный гость. <i>Американский рождественский рассказ</i>	282
Маркита	286
Гедда Габлер	292
Крепостная душа	295

СОДЕРЖАНИЕ

Исповедь	299
Явдоха	303
Дэзи	308
Флирт	312
Время	322
Потаповна	328
У гадалки	332
Летний визит	336
Коготок увяз	339
Белое боа (<i>Коротенький рассказ</i>)	343
Палагея	346
На даче	349
Митенька	352
Кроткая Талечка	355
Острая болезнь	360
В сетях логики	366
Амалия	369
Подарок	374
Бешеное веселье	377
Курортные типы	380
Дамы	385
Письмо	389
После праздников	392
Гаданье	396
В весенний праздник	400
Папочка	404
Телеграммы	409
Черный ирис	412
Раскаившаяся судьба	416
Тоска по родине	420
Море и солнце	425
Праздничное веселье	429
Золотое детство	432
Весна	437
Летом	440
Счастливая	443
Зеленый праздник	446
Зверь	449
Лесная идиллия	452
Сказка жизни	456
Француженка	459
Фея	463

СОДЕРЖАНИЕ

Страховка	468
Два дневника	473
Кошмар	479
О вечной любви	484
Жених	789
Кошка господина Фуртенау	494
Дон Кихот и тургеневская девушка	500
Два романа с иностранцами	505
Выбор креста	515
Точки зрения	523
Банальная история	528
Психологический факт	534
Джентльмен	540
Чудо весны	545
Блаженны ушедшие	550
Бабыя доля	556
Атмосфера любви	561
Пасхальный рассказ	566
Рассказ продавщицы	572
Мудрый человек	577
Сорока	582
Вскрытые тайники	588
Яркая жизнь	593
Подлецы	598
Виртуоз чувства	608
День	613
Счастье (<i>Рассказ петербургской дамы</i>)	617
Тонкие письма	620
Поручик Каспар	624
«Ке фер?»	633
Мать	636
Тихий спутник	644
Кука	648
Жанин	654
Три правды	657
О нежности	661
Трубка	671
Сосед	677
Сватовство	683
Мещанский роман	687
ВОСПОМИНАНИЯ	691